

УДК 343.2
ББК 67.408.018

ОБОСНОВАННОСТЬ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 285 И 286 УК РФ

М. В. Кукасов

Барнальский юридический институт (Барнаул, Россия)

Различие между статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющими злоупотребление и превышение должностных полномочий, долгое время было объектом юридических дебатов. Автор исследования подвергает сомнению целесообразность разграничения этих преступлений. Анализируются аргументы как сторонников, так и противников разграничения этих составов преступлений в уголовном законе РФ. С учетом сложившейся правоприменительной практики доказывается необходимость в уточнении признаков соответствующих составов преступлений.

Ключевые слова: разграничение преступлений, должностные преступления, превышение полномочий, злоупотребление полномочиями.

THE VALIDITY OF THE DISTINCTION BETWEEN 285 AND 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. V. Kukasov

Barnaul law institute (Barnaul, Russia)

The distinction between Articles 285 and 286 of the Russian Criminal Code, addressing abuse and excess of official powers, has been a focal point of legal discourse. This study critically evaluates this differentiation against the backdrop of escalating official criminal activities. By scrutinizing legal texts, judicial interpretations, and scholarly opinions, the research challenges the established criteria by the Supreme Court, emphasizing discrepancies in both subjective and objective elements. This analysis questions the adequacy of the rules separating these offenses. The article explores diverse perspectives, advocating for their merger due to substantial similarities and the growing complexity of official crimes.

In contemporary contexts, where the dynamics of official misconduct have evolved, it's essential to reassess legal frameworks. Officials often engage in multifaceted illicit activities that blur the line between abuse and excess of power. A unified approach is pivotal for just adjudication. Merging these articles can lead to a more nuanced legal framework, better suited to address the intricate nature of modern official crimes.

Keywords: official misconduct, legal differentiation, unified approach.

DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)2.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)2.11)

Преступления, совершаемые гражданами Российской Федерации, негативно влияют на жизнь правопорядочных жителей нашей страны. Некоторые категории преступлений прямо влияют на жизнь и здоровье остальных граждан, другие — на имущество, принадлежащее людям. Большинство граждан считает, что наиболее опасными преступлениями являются преступления против жизни и здоровья, однако мы полагаем, что преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления являются одной из опаснейших категорий преступлений, входящих в Особенную часть Уголовного кодекса. В связи с добавлением в состав Российской Федерации новых субъектов (Донецкая, Луганская Народные Республики, Херсонская и Запорожская области) штат должностных лиц правоохранительных органов, а также иных должностных лиц государственных и муниципальных органов возрастет

на несколько сотен тысяч. Следовательно, количество потенциальных субъектов совершения должностных преступлений увеличивается пропорционально, ввиду того что политическая обстановка на новых субъектах РФ является нестабильной, общественная опасность указанных категорий преступлений вырастает по экспоненте. Превышение должностных полномочий является одним из самых часто совершаемых должностных преступлений. Так, в период с января по декабрь 2021 года 372 человека были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 1, ст. 286 УК РФ, 52 должностных лица привлечены к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, ст. 286 УК РФ, и 575 лиц совершили преступление, предусмотренное ч. 3, ст. 286 УК РФ. Несмотря на усилия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также органов предварительного расследования, актуальность преступлений, совершаемых должностными лицами, растет по экспоненте, что доказывает ретроспектива количества осужденных за совершение преступлений, предусмотренных статьей 286 УК РФ с 2020 года. Так, в 2020 году были осуждены 823 человека, в 2021 году — 999 [9].

Проблемы с квалификацией состава преступления должностных полномочий начали появляться с самого возникновения понятия «должностное лицо». Наиболее актуальная проблема возникла при разграничении превышения должностных полномочий от смежного состава преступления злоупотребления должностных полномочий. Данные составы преступления помимо общего объекта преступления в виде деятельности государственных органов и органов местного самоуправления объединял общий субъект в лице «должностного лица». Субъективная сторона в обоих составах преступлений выражалась в форме прямого умысла. Многочисленные вопросы создавала объективная сторона преступления, которую большинство ученых считали весьма похожими, а часть — полагала и вовсе идентичными и не нуждающимися в дифференциации. После вступления в законную силу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностных полномочий и о превышении должностных полномочий» часть вопросов, касающихся разграничения данных смежных составов, была урегулирована.

Мы позволим себе заявить тезис о том, что злоупотребление должностными полномочиями является одним из видов превышения должностных полномочий, так как совершение злоупотребления должностными полномочиями априори не может быть в рамках должностной инструкции, следовательно, преступник при злоупотреблении в то же время превышает свои полномочия. В правоприменительной практике также присутствуют случаи, когда одни и те же деликты правоприменители квалифицируют как злоупотребление и превышения должностными полномочиями. Одним из ученых, поддерживающих данную точку зрения, является К. А. Греков [2, с. 115–117]. Целесообразно упомянуть мнение А. В. Иванчина, который считает необходимым осуществить объединение разных статей УК РФ, искусственно разделяющих фактически один вид преступления [6, с. 405]. В качестве примера он приводит статьи 285.1 и 285.2 УК РФ, однако мы считаем, что под данное описание подходит 285 и 286 УК РФ. Данную точку зрения мы постараемся доказать в своем исследовании.

Анализируя отличия вышеупомянутых составов преступлений, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда № 19, а также научных работах ученых, следует сделать следующие замечания:

1. *«Злоупотребление должностными полномочиями отличается от превышения тем, что данное преступление совершается из корыстной или иной личной заинтересованности»* — анализируя анкетирования сотрудников МВД, можно сделать вывод, что большинство лиц, совершающих преступления, предусмотренные статьей 286 УК РФ, также делают это из корыстной или иной личной заинтересованности. «Если бы таковой заинтересованности не было, то и преступление совершать не пришлось бы», — утверждает оперуполномоченный отдела по борьбе с коррупцией УЭБиПК. Кроме того, стоит упомянуть что в п. «е», ч. 3, ст. 286 УК РФ содержится квалифицирующий признак *«из корыстной или иной личной заинтересованности»*. Возникает логичный вопрос: как же разграничить ч. 1 ст. 285 УК РФ, от п. «е», ч. 3, ст. 286 УК РФ, если обязательный признак обоих деликтов *«корыстная или иная личная заинтересованность»*.

2. Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 19: *«как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или основания для их совершения (например,*

выдача водительского удостоверения лицам, не сдавшим обязательный экзамен; прием на работу лиц, которые фактически трудовые обязанности не исполняют)». В этом же нормативно-правовом акте содержатся признаки действий, которые относятся к превышению должностных полномочий, где один из признаков звучит, как действие, которое «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать». Исходя из вышеупомянутых фактов, у нас возникло несколько вопросов. Является ли «выдача водительского удостоверения, лицу, которое не сдавало обязательный экзамен» или вовсе не проходило учебу, действием, которое «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать»? Как может заведомо незаконное действие для преступника, например, выдача оружия лицу, не имеющему право на его ношение, входить в должностные полномочия кого-либо? Злоупотребляя данными полномочиями, данное лицо априори превышает их. Нарушая процессуальный порядок при осуществлении действия, которое субъект имеет право делать при правильном порядке, данное лицо выходит за пределы своих полномочий.

Ко всему прочему, считаем необходимым проанализировать обоснованность разграничения двух вышеуказанных преступлений таким источником, как Постановление Пленума Верховного Суда. Так, устанавливая обязательные правила для правоприменителей, законодатель установил исчерпывающий перечень признаков для разграничения превышения и злоупотребления должностных полномочий. Однако мы позволим себе согласиться с мнением авторитетного ученого А. В. Иванчина о том, что Пленум ВС РФ не правомочен заниматься изданием уголовно-правовых источников, так как статья 126 Конституции РФ и статья 14 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» устанавливает, что вышеуказанный судебный орган имеет право лишь *толковать* Уголовный закон, а не устанавливать новые, обязательные для применения правила [6, с. 5]. Таким образом, Пленум выходит за рамки своей компетенции и изобретает правила, которые не указаны в Уголовном кодексе РФ. Если же законодатель хотел установить адекватные и исчерпывающие правила разграничения вышеуказанных составов преступлений в целях единства судебной и следственной практики, необходимо было установить данные правила напрямую в диспозициях вышеуказанных статей УК РФ или в примечаниях.

Учитывая данный факт, мы можем сделать вывод, что имеющиеся признаки разграничения статей 285 и 286 УК РФ не просто сомнительны, но ко всему прочему и незаконны.

В. Н. Борков считает, что критерии, упомянутые законодателем, подходят для статистической отчетности, однако плохо коррелируют с реальной действительностью. Соглашаясь с мнением В. Н. Боркова, мы считаем, что выделить формальные критерии для разграничения данных двух составов преступлений слишком затруднительно ввиду неоднозначного толкования законодателя при определении признаков превышения и злоупотребления должностных полномочий [1, с. 20–22].

Мы согласны с учеными, заявляющими о необходимости слияния превышения и злоупотребления должностными полномочиями ввиду того, что санкции первой и второй части обеих статей практически идентичны. Факт того, что объект, субъект, субъективная сторона идентичны упоминался выше.

Для полноценного анализа необходимо рассмотреть альтернативную точку зрения. Формулировка «действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не имеет права совершать» вызывает вопросы у некоторых ученых, например В. И. Динека [6, с. 5] считает, что за данное действие лица должны нести общеуголовную ответственность, впрочем, О. В. Ермакова считает, что упоминание данного признака в Постановлении Пленума Верховного Суда № 19 оправдано, так как данные действия, совершаемые специальным субъектом, посягают на соответствующий объект статьи 286 УК РФ, а именно «нормальное осуществление власти» [5, с. 68–73].

Мнение исследователей также разнится по поводу объективной стороны превышения должностных полномочий. Так, часть ученых, например, В. Н. Шиханов, считают, что данное преступление может быть совершено в форме бездействия, а именно при уклонении от действия, при этом не в юридическом смысле бездействия, а фактическом. Так, при уклонении от возбуждения определенного преступления, сотрудник органов внутренних дел может совершать активные действия (составление фиктивных доказательств в пользу решения об отказе в возбуждении уголовного дела). Из чего следует, что объективная сторона выражена в форме действия, хотя фактически данные действия были выполнены в целях уклонения от действия — фактически бездействия. При анализе судебной практики часть судов квалифицировали подобные действия как злоупотребление должностными полно-

мочиями, иная часть судов назначала наказание за совершение превышения должностных полномочий [10, с. 411–413].

О. В. Ермакова имеет другую точку зрения на этот счет: *«Толкование деяния превышения должностных полномочий исключительно в форме действия, являются первостепенным и обязательным признаком для отличия от злоупотребления должностных полномочий»*.

Данная неопределенность лишь доказывает сомнительную обоснованность наличия разграничения превышения и злоупотребления должностных полномочий по признаку объективной стороны в Постановлении Пленума Верховного Суда от 16.10.2009. К примеру, А. В. Иванчин считает, что целесообразно указать в статье 286 УК РФ возможность совершения указанного преступления в форме бездействия в целях ликвидации избыточного состава [6, с. 175].

В доктрине также существует правильное, с нашей точки зрения, замечание о том, что существование специальной нормы помимо общей имеет смысл только в том случае, если специальная норма предлагает отличное от общей нормы решение вопроса уголовной ответственности [7, с. 228].

Резюмируя вышеуказанные факты, заключим следующие выводы. Мнения ученых различны: одни считают, что при разграничении превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями стоит ориентироваться на мотив: корыстная заинтересованность является признаком злоупотребления должностными полномочиями, отсутствие же таковой заинтересованности указывает на превышение должностных полномочий. Некоторые ученые полагают, что если при расследовании преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ, обнаруживается, что в действиях субъекта отсутствовал корыстный мотив, то данное преступление должно быть переклассифицировано в статью 286 УК РФ. Относительно позиции отграничения с позиции рамок должностной инструкции должностных лиц часть ученых считает, что признаком разграничения будет служить круг должностных полномочий: если действия не выходят за круг полномочий, то это также будет указывать на злоупотребление, если же имеется «явный» выход за пределы полномочий, данное действие является превышением должностных полномочий. Следующая группа ученых считает, что данные статьи Особенной части Уголовного кодекса следует разграничивать, ориентируясь на объективную сторону состава преступления. Так, деяния в форме бездействия могут быть совершены только при злоупотреблении должностными полномочиями, активные действия же могут быть частью объективной стороны обоих рассматриваемых составов преступлений. Иные ученые считают, что дифференциация данных составов преступления не обоснована и данные статьи Уголовного кодекса нуждаются в слиянии [3, с. 462–465].

Наша позиция заключается в следующем: мнение о целесообразности слияния рассматриваемых составов преступлений является обоснованным, в пользу чего можно привести следующие аргументы:

а) судебная практика показывает, что схожие ситуации правоприменители квалифицируют по-разному, как по ст. 285, так и по ст. 286 УК РФ;

б) санкции частей 1, 2, 3 указанных статей практически идентичны, что доказывает позицию законодателя о тождественности уровня общественной опасности преступлений. Отличие состоит в том, что в частях 3, 4 статьи 286 УК содержится деяние «попытки», которое по соображениям изоморфизма диспозиции целесообразно выделить в отдельную статью УК РФ, либо добавить квалифицирующий признак в статью 117 УК РФ, «лицом, с использованием служебного положения, с применением попытки»;

в) субъект, объект, субъективная сторона являются идентичными, в процессе исследования мы доказали, что разграничение по объективной стороне является весьма сомнительной ввиду противоречивости указанных признаков;

г) налицо избыточность уголовно-правового регулирования, которая нарушает правила дифференциации уголовной ответственности, а также влечет «инфляцию УК РФ» [7, с. 3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айдаев С. Г. Превышение должностных полномочий : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 20–22.
2. Греков К. А. Соотношение категорий «Злоупотребление должностными полномочиями» и «Превышение должностных полномочий» в уголовном праве России // ЮП. 2007. № 2. С. 115–117.

3. Демин А. А. Государственная служба в Российской Федерации : учебник для магистров. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт; ИД Юрайт, 2016. С. 462–465.

4. Динека В. И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 30–31.

5. Ермаков С. В., Ермакова О. В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник УЮИ. 2022. № 2 (96). С. 68–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochiy-problemy-tolkovaniya-obschestvenno-opasnogo-deyaniya> (дата обращения: 10.12.2022).

6. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 5.

7. Иванчин А. В., Зосиева М. В. Проблемы конструирования специальных составов преступлений // Юридическая наука. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konstruirovaniya-spetsialnyh-sostavov-prestupleniy> (дата обращения: 18.10.2023).

8. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

9. Статистика преступности Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

10. Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений : учебное пособие. И., 2019. С. 411–413.